

ЛЕГЕНДЫ
НАШЕГО
СПОРТА

ФЁДОР РАЗЗАКОВ

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК

ЛЕГЕНДА №20

Федор Ибатович Раззаков
Владислав Третьяк. Легенда №20
Серия «Легенды нашего спорта»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686035
Владислав Третьяк. Легенда №20 / Федор Раззаков: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0628-0

Аннотация

Самый знаменитый вратарь XX столетия, Владислав Третьяк, трехкратный олимпийский чемпион и десятикратный чемпион мира, известен не только в России, но и во всем мире – и даже тем, кто никогда в жизни не интересовался хоккеем.

Он герой десятков книг и статей, его образ воплощен в кинофильмах «Легенда номер 17» и «Хоккейные игры».

Знаменитый хоккеист и выдающийся тренер, Владислав Третьяк и сейчас остается кумиром миллионов болельщиков. Жизнь легендарного спортсмена неразрывно связана с золотыми десятилетиями советского хоккея, когда «красной машине» – сборной СССР – не было равных на ледовой арене.

Книга известного российского писателя Федора Раззакова – не только биография вратаря № 1 всех времен и народов, но и летопись блистательных побед нашей страны в международных турнирах и на Олимпийских играх.

Содержание

Как сын офицера попал в ЦСКА	4
В прицеле Тарасова	8
За учебниками	12
Был запасным, стал основным	14
Первое олимпийское «золото»	20
Поражение в Праге	22
Любовь по имени Татьяна и... Суперсерия-72	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Федор Раззаков

Владислав Третьяк. Легенда № 20

Как сын офицера попал в ЦСКА

Владислав Третьяк родился 25 апреля 1952 года в селе Орудьево Дмитровского района Московской области в семье военного: его отец, Александр Дмитриевич, был военным летчиком, командиром полка в Чкаловской дивизии особого назначения. А мама, Вера Петровна, работала учителем физкультуры, а в юности играла в хоккей с мячом на первенстве Москвы в составе женской команды «Металлург». Отец был нрава крутого, но именно он пристрастил своих сыновей к спорту. По словам Владислава:

«Дома у нас было как в армии. Отец большого спорта не любил, но физкультуру уважал. Мог приехать домой в 9 вечера и скомандовать: «Всем на лыжи!» И даже если мы с братом (у Владислава был старший брат Валерий. – *Ф.Р.*) были уже на полпути к постели – хватали лыжи и выбегали на мороз. Когда другие мальчишки, особенно в каникулы, целыми днями бегали и гоняли на велосипеде, мы и думать не могли отвертеться от папиного распорядка. И у меня, и у брата было специально составленное отцовской рукой расписание, где он четко обозначал, кто и сколько работы должен выполнить...

Суровое отцовское воспитание иногда меня сильно обижало, но сейчас я думаю, что, не впитай я с его подачи трудолюбие, не видать бы мне и большого хоккея...»

Не меньшее влияние на детей оказывала и их мама, которая, в отличие от отца, очень любила большой спорт и старалась передать эту любовь и своим детям. По примеру старшего брата Владислав пробовал заниматься плаванием (в бассейне «Динамо»), затем увлекся прыжками в воду (прыгал с пятиметровой вышки). А летом он ездил в загородный пионерский лагерь, где спорт занимал добрую половину времени. Там будущий вратарь бегал кроссы, часами играл в пинг-понг и волейбол. Причем тогда он был всеяден: ему нравились все виды спорта, и он охотно выступал в школьных соревнованиях по легкой атлетике, баскетболу, футболу, лыжам. И везде ему хотелось стать чемпионом. Однажды он так и заявил маме: «Обязательно буду чемпионом». «Спортсменом», – поправила она. «Нет, только чемпионом!». И ведь сбылось! Впрочем, не будем забегать вперед.

Хоккей с шайбой в СССР был очень популярен, однако в начале 60-х эта популярность получила новый мощный импульс – сборная СССР по хоккею выходит в лидеры мирового хоккея. Отметим, что до этого наша национальная сборная лишь дважды становилась чемпионом мира – в 1954 и 1956 годах. То есть все эти победы были разовыми и не говорили о доминирующей роли советской сборной. Однако с весны 1963 года ситуация изменилась: сборная СССР открывает 9-летнюю (!) беспроигрышную серию на чемпионатах мира и Европы. И все эти турниры начинает транслировать советское телевидение (до этого, с

1954 года, шли только радиотрансляции), из-за чего хоккей мгновенно становится самым популярным видом спорта в стране (вместе с фигурным катанием, слава которого началась у нас почти одновременно с хоккейной: на мировых турнирах стала доминировать советская пара Людмила Белоусова и Олег Протопопов).

Владислав Третьяк пришел в хоккей в начале 1960-х гг.

На волне этой массовой популярности хоккея в него пришел и наш герой – Владислав Третьяк. А кататься на коньках его научили его же родители, которые каждое воскресенье водили своих детей на каток в ЦПКиО имени Горького. А в 1963 году (в том самом, когда наша хоккейная сборная открыла свою «золотую эру») Третьяк решил стать хоккеистом – был принят в хоккейную секцию ДЮСШ ЦСКА на Ленинградском проспекте. А записался он туда так же благодаря маме. У нее в классе было два мальчика из этой же ДЮСШ, и однажды Владислав увидел на них форму ЦСКА. Отметим, что этот клуб был лидером в советском хоккее, ее тренер – Анатолий Тарасов – был одним из тренеров сборной страны, в ней же играли и ведущие игроки ЦСКА. Поэтому не удивительно, что миллионы советских мальчишек мечтали играть в составе армейского клуба, чтобы быть похожими на Вениамина Александрова или Александра Альметова (самые именитые армейцы в сборной СССР

тех лет). С определенного момента об этом стал мечтать и Владислав. Вот почему, увидев форму ЦСКА, он так вдохновился, что вечером того же дня заявил своим родителям: «Я хочу такую же!». Но те лишь рассмеялись, сославшись на очередное увлечение сына. Но тот думал иначе. Далее послушаем его собственный рассказ:

«На мое счастье, утром следующего дня в детской спортивной школе ЦСКА проходил набор юных хоккеистов. Спозаранку я с тремя приятелями пришел на Ленинградский проспект. Что там творилось! Кажется, все московские мальчишки в это утро решили стать хоккеистами. Они приехали на каток с родителями, бабушками, старшими братьями – это было прямо вавилонское столпотворение... Держась поближе к своему соседу по парте Валерке Крохмалеву, я протиснулся во Дворец спорта. Мне казалось, что если кого-нибудь из нас и примут, то этим счастливицом окажется именно Валерка. Я только накануне решил стать хоккеистом, а мой приятель уже давно видел себя в доспехах ЦСКА.

Экзаменовали нас строго, хотя особой выдумкой испытания, скажем прямо, не отличались. Тренеры выпустили на лед такого же, как мы, мальчишку в хоккейной форме и объявили: «Он занимается в ЦСКА один год. Кто его догонит, тот выдержал экзамен». По свистку юный армеец Саша Волчков (впоследствии игрок сборной страны) что есть сил помчался на коньках, мы за ним. Потом он испытал наше умение кататься задним ходом. Вот где мнегодились наши воскресные семейные походы в Парк культуры и отдыха на каток – там я научился владеть коньками.

Экзамен кончился. Из всех претендентов четверых, в том числе и меня, попросили отойти в сторону. Я был убежден, что мы и есть неудачники. Оказалось, наоборот. Меня приняли в прославленный клуб! Я был счастлив...»

Отметим, что этого счастья долгое время (года три-четыре) не разделял отец Владислава, который считал, что хоккеист похож... на дворника с метлой. В отличие от миллионов советских мужчин, которые были страстными болельщиками, Третьяк-старший не любил ни хоккея, ни футбола, поэтому даже матчи, транслируемые по телевизору, никогда не смотрел – демонстративно уходил в другую комнату. Вот почему Александр Дмитриевич периодически пытался отговорить сына от занятий хоккеем, но тот его не слушал. Как показали дальнейшие события, правильно делал.

Первое время Третьяк играл на позиции нападающего, причем в обычной спортивной одежде, поскольку формы для него не хватило. Его это очень смущало, ведь он-то и в секцию поступил именно из-за нее. Тогда он пошел на хитрость. В то время в команде не было вратаря, а форма вратарская была. И вот однажды Третьяк подошел к тренеру Виталию Георгиевичу Ерфилову и заявил, что если ему дадут настоящую форму, то он встанет в ворота. Тренера это удивило, поскольку быть вратарем никто из его воспитанников большим желанием не горел – все хотели быть нападающими или защитниками, чтобы забивать голы. А тут парень сам попросился. Как было отказать? Так Третьяк стал вратарем. Наш герой вспоминает:

«...Да, шайба жалит больно. Но к синякам я привык быстро. А вот к неудачам привыкнуть так и не смог. Может быть, это оттого, что у себя в клубе, да и в сборной, вам чаще доводится побеждать, чем проигрывать? Неудачи прямо-таки физической болью отзываются во мне. Когда я был маленьким и случалось, что наша команда проигрывала, я не мог сдержаться слез – так становилось горько и стыдно... Я рыдал, и вся команда успокаивала меня.

Первый раз это случилось через год после того, как мне дали хоккейную форму. Мы встречались с мальчишками из команды «Динамо», когда наш вратарь Саша Карнаухов получил травму и вышел из игры. Я был запасным. Тренер говорит: «Ну, давай, Владик, на лед!». Я встал в ворота и испугался. Этот страх был таким же сильным, как и тот, что я испытал на вышке в бассейне. Когда шайба летела в наши ворота, я закрывал глаза и шарахался от нее в сторону. К тому времени я уже знал, какая она тяжелая, эта шайба... Десять голов забили нашей команде в тот вечер.

После матча я сквозь рыдания сказал тренеру, что из меня никогда не получится вратарь. Ерфилов, как будто ничего не произошло, спокойно посмотрел на меня и произнес:

– Поздравляю тебя, Владик, с боевым крещением. Если будешь трудиться, у тебя все получится.

– Правда?

– Вытри слезы и завтра приходи на тренировку. Интересно, верил ли он действительно в то, что из меня когда-нибудь выйдет вратарь?

Не думайте, что Ерфилов и потом так же легко прощал мне ошибки. Помню, в том же сезоне у команды мальчиков 1950 года рождения не оказалось вратаря. Поставили меня, хотя я был на два года младше. Последний матч первенства Москвы мы играли с «Крыльями Советов». Победа выводила нас в чемпионы.

В. Третьяк

Третьяк был приглашен в основной состав ЦСКА когда ему было всего 15 лет

Но встреча закончилась со счетом 4:4, причем все четыре шайбы я пропустил от синей линии, то есть самым бессовестным образом подвел команду. Тут уж и Ерфилов не выдержал:

– Эх, ты... За игру ставлю тебе единицу.

До сих пор храню в памяти то ощущение горя и обиды, которое испытал тогда. Правда, в тот день судьба все же решила смириться: через полчаса нам сообщили, что «Спартак» свой последний матч проиграл (команде завода «Серп и молот». – *Ф.Р.*), а это значит – мы чемпионы!..»

А вот еще одно воспоминание Третьяка из тех же лет:

«Проходил чемпионат Москвы, но в том матче я не должен был выступать. Однако меня уговорил тренер, заявил вторым вратарем. Случилось так, что шайба угодила первому вратарю в лоб. Кровища страшная! Парня унесли в медпункт. Все произошло на моих глазах, и я сильно испугался. Но тренер поставил меня в ворота. Сейчас стыдно вспоминать: во время того матча приходилось то и дело уворачиваться от шайб, старшие пацаны меня просто расстреливали. В результате я пропустил десять голов...»

Свою первую серьезную травму Третьяк получил спустя примерно год после того, как встал в ворота. Шайба угодила ему прямо в голову. Он не заревел только потому, что боялся: увидят слезы – выгонят из команды. К тому времени хоккей для него был уже не просто очередным увлечением. Он полюбил эту игру так беззаветно и пылко, как может любить только мальчишка. Однако на следующий день после травмы его словно подменили. На тренировке он старался думать только о том, как бы увернуться от шайбы. Он забыл все, чему успел научиться до этого. И опять надо было начинать все сначала.

В прицеле Тарасова

Виталий Георгиевич Ерфилов много времени уделял Третьяку, прекрасно отдавая себе отчет, что хороший вратарь – это полкоманды. Поэтому он специально водил Владислава на решающие матчи регулярного чемпионата СССР и садился с ним за воротами, чтобы по ходу игры рассказывать ему о технике игры различных вратарей. В итоге очень быстро Третьяк хорошо освоил манеру игры лучших советских голкиперов: Виктора Коноваленко из горьковского «Торпедо» (он защищал и ворота сборной), Виктора Зингера из столичного «Спартака» (он же – второй вратарь сборной), Владимира Чинова из московского «Динамо».

Летом 1967 года в команде мастеров ЦСКА было два вратаря: Виктор Толмачев (основной, пришел в ЦСКА в 1962 году из СКА МВО) и Николай Толстик. Однако Толмачев вел себя строптиво и старшему тренеру Анатолию Тарасову потребовался еще один вратарь, который мог бы иногда заменять Толстикова, который подменял строптивца. Сам тренер вспоминал об этом следующим образом:

«На тренировке Толмачев не выполнил распоряжения тренера Бориса Павловича Кулагина и, разговаривая с ним в присутствии всего коллектива, бросил такую фразу: «Я – основной вратарь... Уйду – еще пожалеете...»

Это обидело ребят, и они сказали Виктору, что и играть-то с ним больше не хотят. Они предложили отчислить Виктора из команды. И только после того, как Толмачев, поняв, видно, что ведет себя нечестно, не по-товарищески, попросил у всех прощения, было решено ограничиться удалением Толмачева на полтора месяца, до конца сезона.

Однако спустя некоторое время нам все же пришлось расстаться с Виктором. Толмачев так и не сделал нужных выводов из прежней истории (он потом перейдет в команду «Химик» из Воскресенска. – *Ф.Р.*). Он был основным вратарем команды. Но даже для него мы не стали делать исключения...»

Итак, Третьяк был приглашен в основной состав ЦСКА. Было ему в ту пору всего 15 лет! А помог Тарасову в этом выборе все тот же тренер ДЮСШ Виталий Ерфилов. Последний вспоминает:

«В ЦСКА как-то встретил Тарасова. Спрашивает: «А кого вы, молодой человек, подготовили для команды мастеров? (Это после Харламова, Лутченко, Блинова и еще шести чемпионов мира).

– Два года назад, Анатолий Владимирович, – отвечаю, – я рекомендовал Лутченко. Но вы на тренерском совете натолкали мне по максимуму: в десятку защитников, мол, не попадает, и вообще, кого это я предлагаю?! Сегодня Лутченко – один из ведущих, так что вам рекомендовать... И все же осмелюсь – проверьте Третьяка.

«А что в нем особенного?» – интересуется. Перечисляю: трудолюбие, талант, преданность делу, характер, творчество, умение читать игру, предвидеть действия соперника. Бог дал ему все, чтобы стать классным вратарем. Мохнатые брови Тарасова сошлись на пере-

носице: «Такой оценки я от тебя никогда не слышал. Пусть мальчик приходит на занятия мастеров...»»

Так Третьяк стал тренироваться с взрослыми мастерами, причем так старался, что даже сам удивлялся своей прыти: бросался за каждой, даже самой безнадежной шайбой. Его кумиром в ту пору был нападающий армейцев Евгений Мишаков, поэтому он стал так же, как и он... косолапить. Так длилось до июля.

Анатолий Тарасов и Владислав Третьяк

А потом ЦСКА уехал на юг, но Третьяка туда не взяли. Он вернулся в юношескую команду, которая в том году стала чемпионом Москвы. А в Новосибирске наш герой впервые получил приз лучшего вратаря.

В 1968 году Третьяк в составе молодежной сборной во второй раз отправился на чемпионат мира в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ). Но если год назад он был вторым вратарем и команда тогда заняла «позорное» 2-е место, то в этот раз он стал главным стражем наших ворот и сборная СССР завоевала «золото». Именно после этого чемпионата Тарасов вернул Третьяка во взрослую команду. Причем сказал ему открытым текстом: «Я сделаю тебя лучшим вратарем». «Лучшим в стране?» – спросил Владислав. «В мире! Запомни это раз и навсегда», – ответил тренер. И ведь действительно сделал!

Вспоминает В. Третьяк: «На занятиях десятки шайб почти одновременно летели в мои ворота, и все шайбы я старался отбить. Все! Я играл в матчах едва ли не каждый день: вчера за юношескую команду, сегодня за молодежную, завтра за взрослую. А стоило пропустить хоть один гол, как Тарасов на следующий день строго вопрошал: «Что случилось?» Если виноват был я – а вратарь почти всегда «виноват», – то неминуемо следовало наказание: все уходило домой, а я делал, скажем, пятьсот выпадов или сто кувырков через голову. Я мог бы их и не делать, – никто этого не видел, все тренеры тоже уходило домой. Но мне и в голову не приходило сделать хоть на один выпад или кувырок меньше. Я верил Тарасову, верил каждому его слову. Наказание ждало меня и за пропущенные шайбы на тренировке. Смысл, я надеюсь, ясен: мой тренер хотел, чтобы я не был безразличен к пропущенным голам, чтобы каждую шайбу в сетке я воспринимал как чрезвычайное происшествие...»

В Архангельском, где находится загородная база ЦСКА, меня поселили в одной комнате с Владимиром Лутченко и Николаем

Толстиком. Видимо, из-за длинной шеи и тонкого голоса они тут же нарекли меня Птенцом. Мама попросила присматривать за мной официантку Нину Александровну Бакунину, и та всегда подкладывала мне, «мальчонке», самые лакомые кусочки.

Тогда все это было как сон. Я, юнец, рядом с прославленными на весь мир хоккеистами. Помню, Рагулин, которого называли не иначе, как Александр Павлович, жил вместе с Кузькиным, и я, будучи дежурным, долго робел заходить в их комнату. А уж про Тарасова и говорить нечего – просто не смел попадаться ему на глаза. Тарасова, правда сказать, даже и ветераны крепко побаивались. По комнатам базы Анатолий Владимирович никогда сам

не ходил – поручал это своему помощнику Борису Павловичу Кулагину. А уж если замечал какой-нибудь беспорядок, то пощады от него ждать не приходилось.

Мне его требовательность никогда не казалась чрезмерной: я понимал тогда и особенно хорошо сознаю это сейчас, что максимализм Тарасова был продиктован прекрасной целью – сделать советский хоккей лучшим в мире. Человек очень строгий по отношению к самому себе, очень организованный и целеустремленный, он и в других не терпел расхлябанности, необязательности, лени. Я многим обязан Тарасову. И даже то, что некоторые склонны выдавать за его причуды, я отношу к своеобразию тарасовской педагогики...»

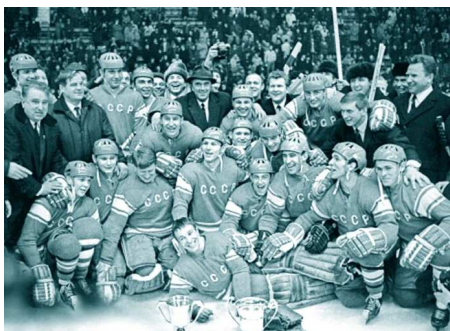
В сезоне 1968/1969 Третьяк провел в регулярном чемпионате СССР всего три игры (заменяя основного вратаря Николая Толстикова) и пропустил две шайбы. Однако эти выходы ему не зачлись – золотые медали он тогда (а ЦСКА стал чемпионом) не получил. Это произойдет спустя год.

В тогдашнем ЦСКА Третьяк был самым молодым членом команды – всего-то 17 лет! Поэтому коллеги иногда над ним подшучивали. Иногда удачно, иногда не очень. Например, однажды разложили у него на кровати... скелет человека. Эту шутку придумали Евгений Мишаков (главный шутник в ЦСКА того времени) и Анатолий Фирсов. Они в тот день сдавали экзамен в Институте физкультуры и выпросили у преподавателя человеческий скелет: дескать, дома мы хорошенько его «проштудлируем». А сами принесли его в номер Третьяка (он в этот момент был в кино), положили его на кровать, а на череп нахлобучили шапку (она опять же принадлежала хозяину номера), в руку вложили теннисный мяч. Намек был более чем прозрачен: мол, в гроб вгонят юного вратаря тарасовские нагрузки.

Защищая ворота ЦСКА, Третьяк продолжал делать то, чему его учил еще в ДЮСШ его первый тренер, Виталий Георгиевич Ерфилов: присматривался к манере игры других вратарей. Но больше всего ему импонировал, естественно, Виктор Коноваленко – лучший вратарь в советском хоккее на тот период. Причем всю жизнь он играл в составе не самого именитого клуба – горьковского «Торпедо», хотя предложений перейти в ведущие клубы страны (ЦСКА, «Спартак», «Динамо») было у него предостаточно, но он был верен родной команде, воспитавшей его и открывшей ему дорогу в большой спорт. По словам В. Третьяка:

«Виктор Коноваленко являл собою абсолютное спокойствие, надежность, мужество. Коноваленко всегда уважительно относился к соперникам: я не помню, чтобы, пропустив в свои ворота гол, он хоть раз «полез в бутылку»; Виктор никогда не махал ни на кого клюшкой, не утверждал, что шайба забита неправильно, только и скажет забившему гол: «Перехитрил, перехитрил...»»

В августе 1969 года ЦСКА отправился в товарищеское турне по Швеции, взяв с собой и Третьяка. И там, в небольшом городке Вестерос, он участвовал в учебно-тренировочном сборе шведских вратарей (там было восемь лучших голкиперов Швеции, в том числе и знаменитый Лейф Холмквист – вратарь клуба АИК (Стокгольм) и национальной сборной. Именно он подарил Третьяку свою майку, которую тот стал считать своим талисманом (износил ее буквально до дыр – мать замучилась зашивать)).

Сборная СССР на ЧМ в Стокгольме. 1969 г.

В середине марта 1969 года начался очередной чемпионат мира по хоккею, который проходил в Стокгольме (Швеция)

Именно после поездки в Швецию Тарасов стал все больше доверять место в воротах Третьяку. Это случилось сразу после возвращения на родину, на турнире на приз газеты «Советский спорт» (он проводился накануне первенства страны). Третьяка поставили на игру с челябинским «Трактором», и он пропустил всего 2 шайбы (армейцы одержали верх 3:2), а затем и с чемпионом страны московским «Спартаком». Армейцы и в этом матче победили, причем с разрывом в пять шайб. После этого всем стало ясно – Третьяк будет вторым вратарем в ЦСКА в регулярном сезоне 1969/1970. А тут подоспело и приглашение в национальную сборную страны, где одним из тренеров был все тот же Анатолий Тарасов (вторым был наставник столичного «Динамо» Аркадий Чернышев).

За учебниками

Отметим, что летом 1969 года Третьяк закончил десятилетку и поступил на заочное отделение Института физкультуры. А надоумил его пойти туда учиться его коллега по ЦСКА, защитник и комсорг команды, Игорь Ромишевский. Это он на базе армейцев в Архангельском подошел к Третьяку и спросил: «Ну, а что дальше? Думаешь продолжать учебу или нет?» – «Хотелось бы», – ответил Владислав, но в его голосе не было особой уверенности. Тогда Ромишевский начал его убеждать: «Ты никогда не сможешь стать хорошим хоккеистом, если не будешь постоянно расширять свой кругозор. Если ты остановишься в своем интеллектуальном развитии, если круг твоих интересов сузится до размеров шайбы, то неизбежно перестанет расти твое спортивное мастерство. Имей в виду, у нас в ЦСКА все учатся – кто в вузах, кто в техникумах». – «Я учиться не против, только вот не знаю, справлюсь ли. И хоккей, и институт...», – вновь пожал плечами Третьяк. – «Справишься, – заверил его комсорг. – Да и мы рядом. Поможем».

Той же осенью Третьяк успешно сдал приемные экзамены на заочное отделение института физической культуры. Учиться было нелегко, учитывая спортивную загруженность нашего героя. По его же словам:

«После тренировок устанешь, случалось, так, что книжки из рук валятся. Но пересиливаешь себя: черный кофе, холодный душ – и за учебники...»

Но очень быстро он убедился в том, что Игорь Ромишевский был прав, говоря о том, что большой спорт немыслим без интеллекта, без глубоких, разносторонних знаний. Кстати, сам защитник, закончив хоккейную карьеру в ЦСКА, защитит диссертацию на степень кандидата технических наук, будет заведовать кафедрой. Другой прославленный хоккеист, но уже из «Спартака», Вячеслав Старшинов, станет кандидатом педагогических наук. Динамовец Владимир Юрзинов – один из тренеров сборной, а в прошлом ее игрок и комсорг – успешно закончил факультет журналистики Московского университета и институт физкультуры. И таких примеров немало.

Кстати, Ромишевский включил Третьяка в состав комсомольского бюро команды. А опекуном молодого вратаря был другой армеец – Владимир Брежнев. Он сразу объявил игрокам команды: «Владика не обижать, а не то будете иметь дело со мной». Естественно, никто и в мыслях не держал обижать новичка, но Брежневу нравилось быть его опекуном. «Как дела, сынок? – каждый день обращался он к Третьяку. – Уроки-то выучил?» – «Все в порядке, дядя Володя», – отвечал, улыбаясь, вратарь.